

ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ

Снятся мне ночами дом родной
И в рябинах тихая опушка...
Восемьдесят... девяносто... сто...
Что-то ты расщедрилась, кукушка...

Юрий Кирсанов.

Из "афганской" песни

Есть в людях какое-то недалекое, но устоявшееся убеждение, что лишь та смерть достойна солдата, которая настигла его в бою, от руки врага. Это, мол, и есть подвиг. И мало кто задумывается, что не смерть, а жизнь на войне – главное.

Жил в Череповце Андрей Голубцов. Как жил? Обыкновенно. Учился в школе без взлетов, но и без отставаний. Пожалуй, у Андрея были все шансы, чтобы стать в классе аутсайдером. Был он полным, медлительным, не увлекался ни спортом, ни шумными компаниями, ни курением, ни выпивкой, то есть ничем таким, чем в нежном возрасте пытаются выделиться из сверстников, завоевать авторитет. Свободное время проводил в основном дома, за телевизором и книгой.

И все же любили его товарищи, любили и уважали. За что? Да просто ценили столь редкие в наше время и в таком возрасте качества, как душевность, доброта, внимание. Вглядитесь в его фотографию – эти качества у Андрея на лице написаны. Мама его вспоминает: "Бывало, придет к нам кто знакомый, нас с отцом нет, он приглашит, усадит, накормит, короче, все сделает, да так по-доброму, с улыбкой..."

После школы поступил Андрей в институт, в Вологодский политех. Отучился один курс. Первый семестр получал стипендию, второй – нет. Словом, начиналась нормальная, спокойная жизнь. И если бы не случайный расклад судьбы, то и армия стала бы просто очередным этапом биографии, который потом отмечался бы одной строчкой в анкетах – "После службы в Советской Армии..." Но "после" не было. Армия стала последним периодом жизни...

Многие из нас, служивших в то время, одурманенные пропагандой, мечтали – да-да, как это ни странно звучит, – именно мечтали попасть в Афганистан. Но не всем добровольцам туда дорога была открыта. А вот Андрей в одном из писем, присланных домой из учебки, написал: “Наверное, не удастся отвязаться от Афганистана”.

Воинская специальность у него была одна из самых “мирных” – мастер по ремонту гусеничной и бронетанковой техники. В Афганистане попал он под Баграм, в отдельный ремонтно-восстановительный батальон. И началась служба. Он редко слышал выстрелы. Его уделом была изматывающая, беспросветная работа. На базу день за днем притаскивали танки, тягачи, машины, бэтээры и БМП. Измятые, исковерканные взрывами и прямыми попаданиями, с засохшими сгустками крови, насквозь пропахшие порохом. И здесь уже никого не спрашивали – хочется ли спать. Машины должны быть отремонтированы в кратчайшие сроки! А это значит – как нырнул ей под брюхо, как взялся за ключ, так и не бросай работу, пока не сделаешь ее. Часто, в дни особой спешки, даже не отпускали в столовую, приносили еду прямо в парк. И – от утра до утра...

Как и многие простые русские пареньки, Андрей в работе был безотказен. Четко освоил свое дело, стал спецом по бэтээрам, его ценили, на него рассчитывали. Он не ныл, когда приходилось особо тяжело. А это случалось часто – на войне солдатских рук не жалеют. Иногда приходили на артсклад машины с боеприпасами. Тогда сколачивали разгрузочную команду – и на всю ночь на склад ворочать семидесятикилограммовые фугасы. Ночь разгружаешь – утром собирайся в караул. Пришел из караула – собирайся на склад. А потом машины пригонят, ремонтировать надо. И так день за днем, неделя за неделей.

– В рейды его брали редко, – рассказывает однополчанин Андрея Валерий Жаров. – Почему? Ну, в рейды обычно берут ребят таких шустрых, боевых. Старший сам себе отбирает группу, человек двадцать, а в рейде всякое бывает, иногда и пропитание себе раздобыть надо, и поворачиваться уметь, чтобы в живых остаться. А Андрей был парень невоенный, мягкий, увалень, простодушный. Это тогда еще выяснилось, когда нас “деды” в первые месяцы проверяли. Кто говорит, что в Афганистане “дедовщины” не было – плюнь тому в рожу. Была! И в первые месяцы там так прижмут, что сразу понятно, кто ты есть. Если

смогут тебя унижить, значит, ты *чмо*, на тебя в деле положиться нельзя, бросишь автомат, и в кусты. А если парень себя показал, то есть не совсем до оборзения, а так, нормально, потом его и уважают. А Андрей... Он в драку не лез, он предпочитал перетерпеть, хоть не унижался, так, закроется и терпит. Но все ж его уважали – вкалывал честно, не ныл; бывало, после ночной погрузки уже через зубы дышит, а работает наравне со всеми. Пару раз он только ездил, когда Чарикарскую “зеленку” шерстили. Ну, никто о нем плохого слова не сказал...

Что такое рейд? По ущелью ползет колонна. Впереди танк или тягач с тралом, мины рвет. Позади – техзамыкание и прикрытие. У духов тактика простая – подобьют машину в голове колонны и час-полтора обстреливают. Двинуться нельзя – на козырьке, когда с одной стороны скала, а с другой – пропасть, или в ущелье не развернешься. Тогда ныряй с автоматом под колесо и жди, пока кончится все. И лежит солдат, от бессилия бесится, локти грызет. Ведь не поймешь, откуда бьют! Эхо между скал гуляет, огневые точки у духов замаскированы хорошо, не видать ни черта. Только иногда хлестнет по машине очередь, тогда по пулевым пробоинам видно направление. Кончился обстрел – столкнут подорванную технику в пропасть, подцепят на буксир, что можно подцепить, и снова едут, ожидая нового обстрела. Простая военная работа. Но сколько людей ее не выдерживали, сходили с ума, устраивали самострел...

Андрей выдержал. И если “никто о нем худого слова не сказал” – это уже высокая оценка.

Так и жил череповчанин Андрей Голубцов на войне. Работал как вол, в герои не лез, трусом себя не показывал. А в письмах – редко-редко о себе. Всю тоску его по дому видно из тетрадных листочков, заполненных еще невыработанным почерком. Как родные? Как дела в саду? Как мои школьные приятели? У меня все нормально, пришлите, пожалуйста, носков и шоколадок...

Осенью 1984 года написал, что попал в госпиталь с малярией. “Малярия, мама, вещь поганая, надо сказать. Две ночи подряд трясло, только зубами лягал...”

Чуть-чуть оклемался, начали гонять на работу. И никто из врачей не смог распознать, что у парня вместе с малярией – тиф. Поэтому в части он побыл только двое суток. Приехал – и стало ему худо. Скрутило, побелел весь. “Ой, Валера, братан, что-то мне совсем не по себе”. Валера

– к дежурному офицеру. Парень только из госпиталя и снова ему плохо! Но офицер ничем не мог помочь, людей не было в части. Поставили хоть не на работу, а дежурным по палаточному городку, можно полежать, если нет никого из начальства. Утром снова отправили его в госпиталь. Там определили тиф, но лечить было уже поздно. 5 ноября 1984 года младший сержант Андрей Голубцов скончался.

Кто знает, о чем думал он в последние дни? Явно не о том, что умирает за Родину – ибо умирал на чужой земле, убитый войной с чужим народом. Может, думал о госпитале – что же такого сделал солдат, что так его лечили? Может, думал о ребятах – кто из них сейчас под пулями?

А скорей всего думал о доме. О маме. О нашем пыльном Череповце...

Ю. Сторожев